

Посвящается
Николя Сиркису^[1]
и Яннику Перрену^[2]

Светлой памяти
Паскаль Ромшвили^[3]

1

4 декабря 2017

Сегодня утром Нина посмотрела мимо меня, едва скользнув взглядом по лицу (так капли воды скатываются по глянцевой поверхности дождевика), и исчезла в питомнике.

Погода была ужасная, о такой говорят: «Разверзлись хляби небесные...»

Я успела заметить под капюшоном бледное лицо в обрамлении черных волос. На ногах у Нины были резиновые сапоги – почему-то гигантского размера, в руке она держала шланг. Меня будто шибануло в живот электрическим разрядом силой этак в пять тысяч вольт.

Я выгрузила тридцать кило собачьего корма, но внутрь не зашла, оставила у ограды. Так происходит раз в месяц: я слышу лай, но собак не вижу, если только волонтер не выгуливает одного из постояльцев на пустыре.

Мешки с крокетами, мою «искупительную долю», перетаскивает от ворот здоровенный, заросший щетиной парень, он оставит их у стены с двумя табличками. Первая лаконична: «БРОСИТЬ = УБИТЬ». Вторая традиционна: «ПРОСЬБА ПЛОТНО ЗАКРЫВАТЬ ЗА СОБОЙ ВХОДНУЮ ДВЕРЬ».

Дважды в год, на Рождество и перед летними каникулами, я бросаю в почтовый ящик конверт с наличными, написав черным фломастером «ДЛЯ НИНЫ БО». Не хочу, чтобы она знала, от кого пожертвование, потому что делаю это не для собак, а ради нее. Все, конечно же, будет потрачено на миски и ветеринаров, но анонимность жертвователя позволит ей думать, что в мире живут не одни только изверги, выбрасывающие котят в мусорные баки.

Тридцать один год назад Нина посмотрела *сквозь* меня, в точности как сегодня утром. Ей было десять, она вышла из мужского туалета, в женском была очередь, а Нина с детства не любила ждать.

В тот далекий день Нина скользнула по мне взглядом и бросилась в объятия к Этьену.

Воскресенье, вторая половина дня, «Прогресс» – кафе с табачным киоском, принадлежащее родителям Лоранс Вийяр. Посетителей нет,

металлические жалюзи спущены – заведение закрыто по случаю дня рождения дочери хозяев. Помню, что стулья стояли на столах вверх ножками, электробильярд сдвинули к бару и организовали импровизированный танцпол. Подарочная бумага, сорванная нетерпеливыми руками, валялась на полу рядом с пакетами от чипсов, печенья «Чоко-БН», в картонных стаканчиках с желтыми соломинками плескались «Оазис» и лимонад.

Приглашен был весь класс. Я никого не знала, потому что совсем недавно приехала в Ла-Комель, рабочий городок в самом сердце Франции с населением двенадцать тысяч душ.

Нина Бо. Этьен Больё. Адриен Бобен.

Я видела отражения их лиц в зеркале над стойкой бара.

У них были старомодные, передаваемые по наследству имена. Каждый второй из нас Орельен, Надеж или Микаэль.

Нина, Этьен и Адриен были неразлучны, а меня ни в тот день, ни позже не замечали.

Нина с Этьеном танцевали под «Дай мне шанс»^[4] группы *a-ha*. Запись длилась двадцать минут, и ее ставили снова и снова, как будто других в запасе не было.

«Они танцуют как взрослые, – подумала я тогда. – Наверное, много репетируют...»

Освещенные стробоскопом мальчик и девочка напоминали двух альбатросов, гонимых ветром над ночным морем.

Адриен сидел на полу, прислонясь к стене, и, как только Синди Лопер запела «Истинные цвета»^[5], ринулся приглашать Нину на медленный фокстрот.

Этьен чуть коснулся меня плечом. Никогда не забуду его запах – ветивер с сахаром.

* * *

Я живу одна на склонах Ла-Комели. Не слишком высоко – окружающую местность правильнее будет назвать *умеренно холмистой*. На некоторое время я уезжала, но потом вернулась, потому что тут я своя, мне знакомы голоса всех вещей, лица соседей, я хожу по двум главным улицам и каждую неделю покупаю продукты в супермаркете. Уже лет десять цена на жилье остается просто смехотворной, иначе не скажешь, приобрести участок земли не

проблема, вот я и купила домик – три франка шесть су за квадратный метр – и привела его в порядок. Четыре комнаты и садик со старой липой. Летом она дарит гостеприимную тень, зимой я завариваю липовый цвет и с удовольствием его пью.

Многие покидают Ла-Комель. Многие. Нина осталась.

Этьен и Адриен уехали, вернулись на Рождество, снова уехали.

Я работаю дома, читаю корректуры для издательства, время от времени перевожу рукописи и пару месяцев в году подменяю обозревателя местной газеты, чтобы не утратить связь с внешним миром. В августе обеспечиваю горожан информацией о смертях, годовщинах свадеб и победителях турниров по белоту, а в декабре добавляются объявления о представлениях для детей и елочных базарах.

Переводы с редактуры-корректуры остались от прежней жизни. А еще есть воспоминания, настоящее и прошлое, меняющие ароматы, как змея кожу. Другая жизнь – другие запахи.

Детство пахнет гудроном, резиной тяжелых автомобильных шин. Сладкой ватой, дезинфекцией, которую перед началом учебного года проводят во всех классных комнатах, в холодные дни – дымом печных труб, хлорированной водой муниципальных бассейнов, пропитавшейся потом спортивной формой, липнувшей к разгоряченным телам учеников, возвращающихся с урока физкультуры колонной по два. Розовыми жвачками «Малабар», ирисками «Карамбар», нитями клея, прилипшего к пальцам, и размягчающей души елкой.

У отрочества запахи иные: первая затяжка, мускусный дезодорант, гренок с маслом в чашке горячего шоколада, виски-кола, погребки, переделанные в танцзалы, желанное тело, одеколон *La Manufacture Cologne Précieuse*, гель для волос, яичный шампунь, помада, замоченные в тазу джинсы.

Много лет спустя случайно натыкаешься на забытый шелковый шарф и вспоминаешь первую, несчастную любовь.

Еще есть лето, неременная составляющая любых воспоминаний. Лето бессмертно, оно существует вне времени. У него самый стойкий запах. Он пристаёт к одежде. Его ищешь всю жизнь. Сладчайшие фрукты, морской бриз, олады, черный кофе, масло для загара,

бабушкина пудра *Caron*. У лета нет возраста, нет ни детства, ни юности, оно принадлежит всем возрастам. Лето – ангел.

Я высокая, фигура у меня хорошая, волосы темно-каштановые, подстриженные до плеч, и челка. Пробивающуюся кое-где седину я старательно закрашиваю.

Меня зовут Виржини. Я их ровесница.

Сегодня из трех друзей со мной разговаривает только Адриен.

Нина меня презирает.

С Этьеном я сама не желаю иметь дела.

А между тем они с детства завораживают меня. С самого детства и по сию пору я чувствую привязанность только к этой троице.

И к Луизе.

2

5 июля 1987

Все начинается с сэндвича, картошки фри с кетчупом и разболевшегося живота. Нина сидит под зонтиком *Miko*, напротив продавца жареных вкусностей. Несколько столиков из крашеного железа стоят на террасе, нависающей над тремя чашами городского бассейна. Она слизывает соль с подушечек пальцев, слушает «*Прекрасный остров*»^[6]. Мадонны, восхищенно разглядывает загорелого блондина, прыгающего с пятиметрового трамплина, выскребает остатки лакомства из желобков пластикового контейнера. Этьен раскачивается на задних ножках стула и попивает клубничный лимонад, а Адриен ест персик, и сок течет по рукам, подбородку, шее и груди.

Нина любит наблюдать за мальчишками – не таясь, в открытую, – упирается взглядом в... определенную часть тела и не отводит взгляд. Этьен ёжится и часто говорит ей: «Прекрати так смотреть!» Адриену плевать – такова уж Нина, тормозов у нее не было, нет и не будет.

Ну вот, снова спазмы в животе, что-то горячее течет по ногам. До Нины наконец доходит. «Нет, не может быть, еще не время. Не хочу. Я еще слишком маленькая, через две недели мне будет одиннадцать...» Она думала, что *это* начинается в коллеже. Между пятым и третьим классом^[7]. Через два месяца начнутся занятия в шестом... «Если девчонки узнают о месячных, решат, что я второгодница, стыда не оберешься...»

Нина встает, обматывает бедра жестким полотенчиком. Она очень худенькая – Этьен, желая позлить подругу, называет ее Проволочкой. Девочка молча отдает ему плеер и уходит в женскую раздевалку, хотя обычно раздевается-одевается в одной из кабинок мужской – там меньше народу.

Этьен и Адриен остаются на террасе. Нина убежала, не сказав ни слова, нарушив «Кодекс поведения троих»: расставаясь, каждый сообщает, куда направляется.

– Что это с ней? – удивляется Этьен, не выпуская соломинки из губ.

Адриен замечает, что язык у друга порозовел от сиропа.

– Не знаю... – Он пожимает плечами. – Может, астма опять напала...

В этот день Нина не возвращается на террасу. Она рассматривает коричневое пятно на купальнике, натягивает трусики, напихав внутрь пук скомканной туалетной бумаги, и торопится в «Маленький Кооператив» за прокладками. Покупает на оставшиеся десять франков самые дешевые. Целую упаковку.

Собака Нины, ее зовут Паола, странно на нее посматривает, виляя хвостом, принюхивается, обходит девочку сзади и бежит к хозяину дома Пьеру Бо. Дед Нины возится в саду, он, слава богу, не заметил, что внучка вернулась, и она закрывается в своей комнате на втором этаже.

Погода такая жаркая, что больше всего ей хочется вернуться к ребятам, в самый глубокий, четырехметровый, бассейн с тремя трамплинами – метровым, трех- и пятиметровым. Чаша бассейна такая глубокая, что вода не прогревается, и они каждый день на спор касаются ледяного дна.

Вечером Этьен звонит Нине, опередив Адриена, который в тот же самый момент набирает ее номер.

– Чего это ты так сорвалась, даже не попрощалась?

Она молчит, думает, что бы соврать. И решает сказать правду.

– Месячные начались.

Этьен считает, что *такое* случается только с грудастыми девицами, матерями семейств и замужними женщинами. При чем тут Нина? Сам он все еще сосет большой палец – когда никто не видит! – и обожает наклейки «Панини»^[8], собрал несколько альбомов.

Они с Ниной похожи, Этьен однажды видел в ее комнате кучу разных Барби, сидящих в ряд на полке стеллажа.

Выдержав долгую паузу – она призвана выразить сомнение в правдивости слов подруги, – он продолжает допрос:

– Деду сказала?

– Нет... Неудобно.

– Что будешь делать?

– А почему я должна что-то делать?

– Может, тебе еще рано?

– Это вроде бы передается по наследству от матери. Если у моей тоже началось в одиннадцать лет, значит, все в порядке. Но я этого не узнаю...

– Болит живот?

– Терпимо. Похоже на рези от гадкого лукового супа...

– Хорошо, что я не девчонка.

– Зато пойдешь в армию.

– Ну и пусть... Все равно хорошо. Собираешься к доктору?

– Еще не решила.

– Пойти с тобой?

– Может быть... Но ждать будете в коридоре.

* * *

Троица встретила десять месяцев назад во дворе начальной школы имени Пастера в первый учебный день.

В этом возрасте – чистый ужас, а не возраст! – все дети совершенно разные. Дылды и коротышки. Половозрелые и еще нет. Некоторым можно дать четырнадцать, другие и на восемь не выглядят.

Оба шестых класса собрались во дворе, и к шестидесяти ученикам вышли учительница мадам Блетон и учитель мсье Пи. Началась перекличка.

Этим утром дети познают игру случая, удары судьбы и учатся отличать одно от другого.

Каждый ребенок – даже те, кто никогда не был у Святого причастия! – молят доброго Боженку, чтобы его фамилию назвала мадам Блетон. О втором учителе ходит дурная слава: многие и многие бывшие «травмированные» им ученики предупреждают младших братьев и сестер, чтобы остерегались закоренелого мерзавца, щедрого на затрещины. Он любит схватить ученика за воротник, вздернуть его в воздух и потрясти, как кутенка за шкирку, а если разозлится основательно, ломает стулья об стену. Каждый год мсье Пи выбирает козла отпущения, вцепляется в него мертвой хваткой и терзает. Обычно не везет плохому ученику. «Старайся, иначе тебе хана!» – такое наставление дают ребятишкам жертвы учителя Пи.

Мадам Блетон – правый ряд, мсье Пи – левый. Фамилии выкликают в алфавитном порядке.

В правом ряду то и дело слышатся вздохи облегчения, кто-то поднимает глаза, благодаря Небеса, кто-то расслабляет плечи. Отправленные «налево» напоминают осужденных на казнь.

В то утро на школу имени великого Пастера опустилась гулкая свинцовая тишина, слышны только голоса двух учителей. Они по очереди произносят фамилии учеников на букву «А».

Адам Эрик – направо.

Антар Сандрина – налево.

Антюнес Флафие – направо.

Следом идут фамилии на «Б».

Бо Нина – налево.

Боклер Надеж – направо.

Больё Этьен – налево.

Биссе Орельен – направо.

Бобен Адриен – налево.

Вот так Нина Бо, Этьен Больё и Адриен Бобен сошлись 3 сентября 1986 года на школьном дворе, мальчишки оцепенели, и Нина, взяв за руки обоих, повела в «команду» мсье Пи. Этьен не сопротивлялся, не чувствовал стыда. Он получил двойной удар – его «разлучили» с дружкой Орельеном Биссе и отправили к Пи. В школе имени Пастера все ученики от подготовишек до старшеклассников преодолевают последнюю прямую перед коллежам, как полосу препятствий. «Ты у Пи? Ужас! Ад на земле!»

Трое ждут конца жеребьевки.

Этьен самый высокий. У него тонкое лицо, белокурые волосы, изумительно гладкая, как у ребенка с гравюры, кожа и синие глаза.

Темные густые волосы Адриена торчат в разные стороны, он худенький, белокожий и ужасно застенчивый – кажется, сейчас спрячется за себя самого.

Нина от природы грациозна, как лань. Густые брови и длинные ресницы обрамляют черные глаза. За лето она загорает до шоколадного цвета.

Мсье Пи наблюдает за будущими учениками из-за стекол очков и выглядит довольным. Он улыбается и ведет их в класс, останавливается у черной доски. Все его жесты точно выверены и должны наводить на учеников благоговейный ужас. Все происходит в полной ледяной тишине.

Каждый выбирает себе парту, те, кто знаком, садятся вместе. Этьен незаметно отодвигает приятеля, чтобы оказаться рядом с Ниной, Адриен покорно устраивается за девочкой и смотрит только на нее, забыв об учителе. Не может отвести взгляд от темных косичек с порыжевшими на солнце концами, перехваченных резиночками, от прямого пробора, перламутровых пуговиц на красном бархатном платье и покрытой пушком шеи. Красота, вид сзади. Она чувствует его взгляд, оборачивается и одаривает лукавой улыбкой. Эта улыбка успокаивает, вселяет уверенность. У него появилась подруга. Товарищ. Он может вернуться домой и сказать матери: «Я подружился с девочкой». Адриен надеется, что увидит Нину в столовой.

– Можете сесть.

Мсье Пи представляется, пишет на доске имя и фамилию. Напряжение спадает, кажется, учитель совсем не злой, улыбается, говорит спокойным тоном. Может, он изменился, может, взрослые и правда добреют со временем?

Утро проходит быстро. Мсье Пи раздает учебники, объясняет, что сдавать их следует сразу после уроков, а не на следующий день.

– Я терпеть не могу прокрастинацию... – роняет он, роясь в кожаном портфеле.

Класс угрюмо молчит.

– Вижу, значение слова вам неизвестно.

Мсье Пи встает, вытирает губкой доску и пишет: *ПРОКРАСТИНАЦИЯ ОТ ГЛАГОЛА ПРОКРАСТИНИРОВАТЬ* – и подчеркивает написанное тремя чертами.

– Прокрастинировать – значит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. А теперь пусть каждый встанет и назовет свою фамилию, имя, слабую и сильную стороны.

Никто не хочет быть первым.

– Вы что, заснули, дети мои? Ничего, сейчас мы вас разбудим! – обещает-грозится мсье Пи. – Пусть все решит случай.

Он указывает на соседку Адриена, и девочка – у нее очень светлые, почти белые волосы – поднимается из-за парты.

– Меня зовут Каролина Дессень, моя сильная сторона – чтение, слабая – частые головокружения...

Девочка садится, слегка покраснев.

– Следующий! Твой сосед, – бросает Пи.

Адриен встает. Лоб у него пылает, ладони влажны от страха – он не привык высказываться при чужих людях.

– Меня зовут Адриен Бобен. Я тоже силен в чтении... А слабость... ну... страх перед змеями.

Нина поднимает руку. Учитель кивает: «Начинай...»

– Я Нина Бо. Я хорошо рисую, но у меня астма.

Настает черед Этьена, и он встает.

– Ты не поднял руку! – вопит Пи.

Зловещая тишина.

– Ладно, ладно, сегодня первый день занятий, – вдруг смягчается Пи. – Обычно в первый день нога у меня не зудит, устав от каникул. Садись. Хочешь высказаться – поднимай руку. Следующий!

Этьен опускается на стул, прячет дрожащие руки под парту, по спине у него течет холодный пот.

В полдень во всех классах слышится звон колокола. Никто не смеет шевельнуться. Мсье Пи просит не высказавшихся закончить упражнение. Этьен много раз поднимает руку, но учитель нарочито не замечает его до самой перемены.

Выйдя из класса, Этьен с Адриеном ждут под дверью Нину, словно бы решив восстановить единство троицы, но, когда девочка наконец появляется, Этьен начинает жаловаться.

– Все представились – кроме меня! – ноет он.

– Ну давай, представься! – просит Нина.

– Я – Этьен Больё. Силен в спорте, а слаб в... даже не знаю... я во всем хорош.

– И у тебя нет ни одного недостатка? – изумляется Нина.

– Вроде бы нет.

– Тебе никогда не бывает страшно? – спрашивает потрясенный Адриен.

– Нет.

– Даже ночью, в лесу, в одиночку?

– Наверное, нет. Не знаю. Можно проверить.

Они уже на двадцать минут опаздывают в столовую и прибавляют шагу: Нина – в центре, Адриен – справа от нее, Этьен – слева.

Ученик: Бобен Адриен, 71200, Ла-Комель, ул. Дж. Кеннеди, 25, родился 20 апреля 1976-го в Париже, француз.

Отец: Бобен Сильвен, 75017, Париж, ул. Рима, 7, банкир, родился 6 августа 1940-го в Париже, француз.

Мать: Симони Жозефина, 71200, Ла-Комель, ул. Дж. Кеннеди, 25, младшая патронажная медсестра, родилась 7 сентября 1952-го в Клермон-Ферране, француженка.

Иное законное ответственное лицо, адрес, профессия, дата рождения, национальность, домашний телефон, служебный телефон.

Кому звонить в экстренном случае: Жозефина Симони, 85 67 90 03.

Ученик: Больё Этьен Жан Жозеф, 71200, Ла-Комель, улица дю Буа-д'Аглан, 7, родился 22 октября 1976-го в Паре-ле-Моньяле, француз.

Брат: Поль-Эмиль, 19 лет.

Сестра: Луиза, 9 лет.

Отец: Больё Марк, 71200, Ла-Комель, улица дю Буа-д'Аглан, 7, административный служащий в Отёне, родился 13 ноября 1941-го в Париже, француз.

Мать: Больё, урожд. Пти, Мари-Лор, 71200, Ла-Комель, улица дю Буа-д'Аглан, 7, юридический советник в Маконе, родилась 1 марта 1958-го в Ла-Комели, француженка.

Иное законное ответственное лицо, адрес, профессия, дата рождения, национальность, домашний телефон, служебный телефон.

Кому звонить в экстренном случае: Бернадетт Ранкёр (домашняя прислуга), 85 30 52 11.

Ученица: Бо Нина, 71200, Ла-Комель, улица Гажер, 3, родилась 2 августа 1976-го в Коломбе, француженка.

Отец: Неизвестен.

Мать: Бо Марион, 93200, Сен-Дени, улица Обер, 3, без определенной профессии, родилась 3 июля 1958-го в Ла-Комеле, француженка.

Законный представитель: Пьер Бо (дед), 71200, Ла-Комель, улица Гажер, 3, почтовый служащий, вдовец, родился 16 марта 1938-го, француз.

Кому звонить в экстренном случае: Пьер Бо, 85 29 87 68.

3

5 декабря 2017

Я снова и снова прокручиваю в голове информацию – и не верю себе. Я убежденная одиночка, так где была моя голова в тот день, когда мой же язык предложил газете мою кандидатуру?! Я вознамерилась бросить вызов жизни? Пережила минутное помешательство? Скорее всего, ведь меня не интересуют сплетни, проводы на пенсию и соревнования по игре в петанк, разрази меня гром!

Несчастный случай. Подножка судьбы.

Лесное озеро. Зброшенный песчаный карьер в южной части города, на дороге в Отён. Подземные воды, подпитываемые Соной, затопили сотню гектаров земли. В детстве мы часто там купались, несмотря на строжайший запрет взрослых, но далеко не заплывали, помнили про смертоносные бочаги, которые то и дело образуются в глубине из-за подвижек в придонных слоях. Мало кто решался забираться на середину озера, слишком много мрачных легенд о нем ходило. Поговаривали, что по ночам на волю вырываются души утопленников в саванах и резвятся в лунном свете. Лично я не встречала никого, кроме туристов, гадающих вокруг пустыми пивными бутылками. Многие из нас входили в воду босиком, я даже в самую жару не снимала кеды, чтобы не порезаться осколком стекла или, не приведи господь, не пораниться ржавой железякой. И все-таки по вечерам мы собирались на берегу, разводили костер, слушали музыку и выпивали.

Тысячу лет там не была...

Впервые за полвека воду частично спустили, чтобы укрепить и привести в божеский вид берега рукотворного водоема. Коммуна прикинула стоимость работ и решила, что горожане заслужили песчаный пляж, горки, кабачок и... вышку спасателей. Все лучше, чем контролировать дикарей и оказывать помощь слишком ретивым пловцам.

Машину нашли рабочие, когда начали спускать западную часть озера. Случилось это на прошлой неделе. К берегам водоема можно подойти только по узким извилистым тропинкам, а те, кто приезжает

на машинах, паркуются метрах в трехстах, на импровизированной стоянке между двумя полями.

Вытащенную со дна «Твинго» угнали 17 августа 1994 года в Ла-Комели, ее опознали по номеру. Вроде ничего необычного – воры решили избавиться от тачки и утопили ее, – но жандармов заинтриговала одна «незначительная» деталь: именно в тот день исчезла Клотильда Марэ.

17 августа 1994 года. У меня кровь заледенела, когда я услышала эту дату.

– Может, пошлете кого-нибудь поопытней, из центрального офиса редакции? – проямлила я, не надеясь на успех: подменка на то и подменка, чтобы «ложиться на амбразуру», когда большинство штатных сотрудников наслаждаются отдыхом. «Полиция начала расследование, так что... летите на озеро и снимите останки «Твинго», мы подверстаем ее к статье в вечернем выпуске...»

Ничего не поделаешь – принимаюсь за поиски своей пресс-карты, шарю в глубине ящика, ругая себя последними словами. И зря – на конкурсе «Мисс Петанк» документов с писак не спрашивают.

Я не любила Клотильду Марэ. Жестоко завидовала длинным стройным ногам, которыми она обвивала талию Этьена. Как сейчас вижу юную парочку: Клотильда – она в шортах – сидит на низкой каменной стенке, притянув Этьена к себе, у нее безупречный педикюр, на ногтях блестит красный лак. Золотистые босоножки валяются на тротуаре. Квинтэссенция женственности... Я умираю от желания спихнуть мерзавку на землю, занять освободившееся место, стать ею... но мечта остается мечтой. Я прохожу мимо влюбленных, не глядя в их сторону и почти не дыша.

Клотильда Марэ испарилась в год своего восемнадцатилетия. Ее исчезновение взбудоражило весь город. Почему она не оставила ни письма, ни записки, ничего не объяснила? Одна я не слишком удивилась. Клотильда была снобкой и тихушницей, друзей не заводила и чаще всего проводила время в одиночестве.

Черт, как хочется позвонить Нине в приют и рассказать о найденной машине! Никогда этого не сделаю... Хорошо, что я научилась обуздывать порывы!

Не представляю, что почувствует Этьен, узнав о находке.

4

Учитель Антуан Пи только раз сменил одного козла отпущения на другого. Это случилось в том учебном году, который начался в сентябре 1986-го и закончился в июне 1987-го.

Много-много лет – с 1955-го по 2001-й – в первый день занятий Пи мысленно выбирал жертву, наслаждаясь своей тайной игрой. Готовиться к ней он начинал летом, за кроссвордами, в Сабль-д’Олон, куда ездил каждый год.

Каким будет очередной «козлик»? Блондином? Брюнетом? Рыжим? Высоким второгодником или щуплым трусишкой? Учеником, которого он невзлюбит с первого взгляда! Тем, кто опустится на одну из скамеек в классе, произнесет «Здесь!» – и его голос проскрипит, как вилка по тарелке.

Слабым полом мсье Пи не интересовался, он искал мальчишку – не торопясь, дотошно изучая личные дела.

Как же он любил копаться в именах, фамилиях и семейном положении своих учеников! Это было... было... все равно что смотреть с улицы, из темноты, через окна на освещенное нутро чужого дома.

Профессии отца и матери. Пи никогда не выбирал сына ответственного работника, инженера или госслужащего, что и спасло Этьена Больё в первый день занятий 1986 года. Не вычитай Пи, что родители мальчика – высокопоставленные чиновники, отдуваться бы Этьену каждый проведенный в школе день! Учитель орал бы на него за то, что вскочил без разрешения и задал вопрос, да мало ли за что еще – повод всегда найдется...

Мсье Пи никогда не третирует «этих Абделей Кадеров»^[9] – так он называл детей мусульманского вероисповедания, сидя на террасах лучших кафе Сабль-д’Олон в обществе избранных друзей, преподавателей других школ.

В Ла-Комели у Антуана Пи не было даже хороших знакомых: положение и профессия заставляли держаться на почтительном расстоянии от учителя.

Ритуал был отработан детально: через три дня после «первичной сортировки», изучения профессионального положения родителей и их национальностей мсье Пи определял, кого будет... гнобить. Критерии оставались неизменными: ученик должен выглядеть полным идиотом с тупым взглядом, соображать медленнее черепахи, страдать всевозможными тиками, носить мятую, чуть засаленную в районе живота рубашку, грязную обувь и передвигаться развинченной походкой. Иногда мсье Пи начинал цепляться к мальчишке, который выглядел слишком уверенным в себе, высокомерным, то и дело улыбался уголками губ, смотрел искоса и вообще был странноватым. Таким учитель обожал затыкать рты.

Итак, он искал самую незаметную «трещинку» класса, чтобы проникнуть в нее, расположиться со всеми удобствами и приступить к игре.

Он всегда преподавал в классах второго года среднего курса начальной школы – последнего перед поступлением в коллежи, которые мсье Пи считал «большой помойкой национального образования», все до единого. Учителю казалось, что он ограняет драгоценные камни, чтобы они «закончили в сточной канаве». «Все это, увы, мартышкин труд, моя дорогая...» – любил повторять за обедом мсье Пи, когда жена наливала ему суп.

В сентябре 1986 года несчастный жребий выпал Мартену Деланнуа, повторявшему СЕ1 – первый год начального курса. Мальчик страдал дислексией и посещал логопеда. Пи не заставлял Мартена читать вслух тексты перед всем классом – это было бы слишком просто, слишком рискованно и недостаточно извращенно. Деланнуа-старшие, да и все остальные родители, ни в коем случае не должны были усомниться в авторитете учителя, наслушавшись рассказов своих отпрысков за ужином. Пи вызывал Мартена к доске и заставлял все утро решать зубодробительные математические задачи.

Он с трудом скрывал свое гаденькое ликование за фальшивой улыбкой, глядя, как бледнеет, трясется и потеет ребенок, из последних сил сдерживая слезы, а потом начинает безутешно рыдать (у некоторых даже кровь шла носом!). Добившись желаемого результата, Пи медоточивым голосом произносил: «Ступай на место, дружок, останешься на перемену, и я все тебе объясню!»

Учитель редко повышал голос, но, если ученик болтал на уроке, или жена отказала ему вечером, или утром кто-то подрезал его на дороге, он как ястреб налетал на провинившегося, хватал его за шиворот и поднимал в воздух. Плохая оценка, уловки типа «ответ не по теме», хихиканье, болтовня, невнимательность, зевки... во всех этих случаях стены дрожали от крика, и мужской голос терялся в листве каштанов, растущих в школьном дворе.

Ни один родитель ни разу не пожаловался на мсье Пи, его имя произносили, уважительно понизив голос, с довольной улыбкой и благодарностью, что он воспринимал как должное. Все его ученики подтягивали успеваемость и улучшали отметки, а он говорил, скромно потупившись: «Я просто делаю свою работу...»

Мсье Пи мог часами, несколько уроков подряд, точно и ясно излагать тему, добиваясь, чтобы ее уяснил даже последний тупица. Неоднократное повторение его не смущало. Он давал ученикам задания длиной в две руки, заставлял снова и снова переписывать сочинения, так что по вечерам и в воскресенье они были загружены, как взрослые.

Да, Антуан Пи имел репутацию исключительно талантливого педагога, его нервная система подвергалась каждодневным испытаниям, и он свято верил, что имеет право на «мальчика для битья»! Даже директор школы мсье Авриль смотрел на художества Пи сквозь пальцы, считая приоритетом исключительные результаты его учеников.

Итак, мсье Пи начал игру с Мартенем Деланнуа, и продолжалась она до мартовского дня, когда в конце урока каждый ученик получил конверт с указанной ценой на коллективное фото и индивидуальные снимки в виде календарей, закладок и поздравительных открыток.

В то утро Адриена Бобена и Мартена Деланнуа оставили за партами, чтобы они закончили письменную работу на тему «Склонение множественного числа». Пи отправился пить кофе и вернулся в класс к 11:00, за несколько минут до начала следующего занятия.

Он обожал подкрадываться к «наказанному» ученику и дверь открыл бесшумно, посмотрел на Мартена – тот трудился, склонив голову набок, и то и дело облизывал губы. Пи уже открыл было рот, чтобы сделать ему замечание по поводу манеры держать ручку, но тут

его внимание привлек Адриен Бобен. Кудлатый молчаливый коротышка. Прилежный ученик. Такие, как правило, не привлекают к себе ненужного внимания, но этим утром Адриену не повезло – он замешкался.

Ледяная игла пронзила сердце мсье Пи. Его острый ум за долю секунды произвел анализ, и удушающая ярость вкупе с извращенностью психики переключили внимание с одного ученика на другого, как будто электрическая дуга перекинулась от сидевшего в левом углу класса Деланнуа на забившегося в правый Бобена.

Адриен поднял голову и увидел тьму, плескавшуюся в глазах учителя. Из-за стекол очков на него надвигалась сумасшедшая смертоносная буря. Он сразу все понял. Отвел взгляд и вернулся к работе, но было, увы, поздно.

5

6 декабря 2017

Издалека доносится колокольный звон. Днем он возвещает о похоронах. Кого-то из стариков. Когда умирает или, не приведи господь, гибнет молодой человек, об этом извещает траурная колонка моей газеты. Здесь теперь живут только старики. Из двух школ, Пастера и Дантона, осталась одна, да и та неизвестно сколько продержится. Когда завод теряет рабочих, он одновременно лишается их детей. Здесь уже двадцать лет предлагалось слишком много социальных программ, было слишком много преждевременных выходов на пенсию. На заводе автозапчастей *Magellan* в 1980 году трудились три миллиона рабочих, а в 2017-м осталось триста сорок человек. Смертельный удар был нанесен в 2003 году, когда продали, а через несколько лет перевели в другое место транспортную компанию «Дамамм».

Дождь льет на мою липу.

Я редактирую рукопись и жду новостей о вытащенной со дна озера машине. Ее увезли в Отён. Сыщики не дали мне подойти близко, и я несколько раз издалека щелкнула проржавевший остов. Сегодня утром газета поместила коротенькую заметку об этом деле, но, если в салоне обнаружат одно или несколько тел, историю переместят на первую полосу. У меня создалось впечатление, что полиция морочит журналистам голову: по данным одного информатора, в кабине найден скелет.

Не могу не думать о Клотильде Марэ. Только что, перебирая фотографии, я узнала ее на коллективном снимке нашего 6-го класса *СМ2*. В марте 1987-го ей было одиннадцать лет. Надо же, совсем забыла, что Кло училась с нами. До чего же странно – и неприятно – снова увидеть ее детское лицо! В витринах торговых лавок долго висели листовки «Пропал человек!» с фотографией Клотильды, но в вечер ее исчезновения некий свидетель видел девушку на вокзале, и все решили, что она просто уехала, «забыв» оставить адрес.

На снимке есть папаша Пи в серой блузе, три Б, локоть к локтю, – Больё, Бо, Бобен – и я, во втором ряду, четвертая слева. Призрачно-

прозрачная.

В «год Пи» Нина, Этьен и Адриен встречались перед школой Пастера за десять минут до начала уроков. Других товарищей у них не было, и они держались вместе, как щенки из одного помета, хоть и совсем не похожие друг на друга ни внешне, ни отношением к жизни.

В одиннадцать лет большинство девочек общаются с девочками, а мальчики водят «мужскую» компанию.

Нина ложилась спать поздно и потому часто чувствовала себя усталой. Говорили, что она помогает деду разбирать корреспонденцию, которую он должен будет доставить по адресам, но это не соответствовало действительности – письма и посылки сортируют вручную на почте каждое утро. Пальцы Нины всегда были серыми от угольного карандаша, она не могла отмыть их даже жесткой щеткой и хозяйственным мылом.

Мне ужасно нравились мешки под глазами Нины, я им даже завидовала, они придавали ей серьезный вид. Я бы с радостью украла эти отметины, мне хотелось забрать у нее все. Носик, походку, посадку головы, улыбку.

Девочкой Нина походила на Одри Хепбёрн. Позже сходство не исчезло, но она стала грустной Одри. Впрочем, в глубине глаз знаменитой актрисы пряталась тень меланхоличности, а в Нининых обитал мрак. Никто не знал ее отца, но кое-кто называл его уроженцем то ли Северной Африки, то ли Южной Италии. У рыжеволосой матери Нины глаза были зеленые, а у девочки такие черные, что зрачки сливались с радужкой.

Три Б ходили в школу пешком, на скейтах Этьен с Адриеном катались по вечерам, во второй половине дня по средам и на каникулах.

Нина с дедом жили в рабочем предместье, в одном из жмущихся друг к другу, похожих как близнецы кирпичных домов с клочком земли под сад-огород на задах, который кормил целую семью, а в урожайный год еще и «безземельных» соседей.

Адриен и его мать Жозефина обитали в трехкомнатной квартире на четвертом (и последнем) этаже здания 60-х годов.

Этьен, его родители и младшая сестра Луиза роскошествовали в красивом доме, окруженном столетними деревьями. Его старший брат Поль-Эмиль уехал учиться в Дижон.

Нину воспитывал старик.

Отец Этьена был стариком.

Отец Адриена блистательно отсутствовал, матери исполнилось шестьдесят восемь, она без конца курила сигареты и слушала «Скажи, что это не так, Джо» Мюррея Хеда^[10], когда мыла окна в своей столовой.

Троица жила на приблизительно одинаковом расстоянии от школы (плюс-минус двести метров). У них была общая заветная мечта: повзрослеть и уехать жить в большой город со светофорами на каждом углу, шумный, яростный, полный эскалаторов и сверкающих витрин. И чтобы всюду горели огни – даже ночью, а по тротуарам ходили незнакомцы, чужие люди, о которых нельзя посудачить.

Все свободное время трое проводили вместе, в том числе на переменах и в столовой. Их смешили одни и те же вещи. Они любили взять телефонный справочник, выбрать наугад страницу, набрать номер и сделать заказ, изменив голос. Смотрели «Магнума»^[11] и «Славу»^[12], закрыв двери, ставни и обедаясь конфетами. Бились в «Умника»^[13] и «Морской бой». Читали вслух комиксы о Тинтине и «Альманах странного», лежа на кровати Нины. «Готово...» – произносили в унисон мальчишки, и Нина переворачивала страницу.

Они обожали пугаться, рассказывали страшные истории, подбрасывали шарики-вонючки в проходы в супермаркете, часами записывали себя на кассеты, изображали радиоведущих, а потом слушали и глупо хихикали. Этьен был лидером маленького сообщества, Нина – его сердцем, Адриен – верным молчаливым оруженосцем.

Их ритуалы зависели от Нининой астмы, капризные бронхи задавали ритм. Некоторые приступы могли длиться часами, не помогали даже сильные лекарства. Самые острые моменты Нина предпочитала переживать один на один со своим свистящим дыханием.

Адриен и Этьен расходились по домам. Первый читал или обдумывал их разговоры. Второй катался на скейте и смотрел по телевизору конец *Récré A2*^[14] вместе с малышкой Луизой.

Соединяла мальчишек Нина, без нее они не общались. «Мы – троица, только так и никак иначе!»

Ребята любили Нину, потому что она никогда никого не судила – в отличие от остальных обитателей Ла-Комели. Слухи и рассказы копились, их передавали по наследству. Репутация матери превратила Нину в «жалкую незаконнорожденную малышку». Застенчивый Адриен интересовал только Нину, она считала его умным и загадочным. Мать Адриена Жозефина Симони носила длинные, в пол, юбки и работала в муниципальном детском саду. Отца у него не было. Парочку сын-мамаша называли хиппи. Этьена многие ученики презирали – как «сынка добропорядочных граждан». Ла-Комель не знала смешений, здесь жили по принципу «салфетки – к салфеткам, тряпки – к тряпкам». Рабочих уважали больше старших мастеров и бригадиров, к сыновьям государственных служащих относились с пренебрежением, благополучие и богатство считались почти... подозрительными.

Троица ходила в кино только вместе. Билеты они всегда брали в первый ряд, и Адриен сидел рядом с Ниной, а не сзади, как в классе. Место по ее левую руку принадлежало Этьену.

Однажды они пошли на «Манон с источника»^[15], и, когда влюбленный Юголен пришил ее ленту прямо к своей руке, Нина вцепилась в мальчишек и еще долго не отпускала после самоубийства героя.

Что бы там ни утверждали Адриен с Этьеном, этот фильм остался для них лучшим из лучших. На вопрос: «Твой любимый фильм?» – каждый называл «Возвращение джедая». Оба врал.

6

7 декабря 2017

По четвергам я покупаюсь в супермаркете и каждый раз надеюсь – увы, тщетно – встретить там Нину. Быстренько беру продукты первой необходимости, потом спускаюсь на рыночную площадь и снова рассчитываю увидеть ее, вглядываюсь во все встречные машины и... никого не вижу. Она живет как нелегалка, затаившись.

Купив овощи-фрукты, я пью кофе на теплой террасе «Церковного бистро» и наблюдаю за людьми, катящими мимо сумки на колесиках и несущими корзинки. Пары, одинокие женщины, вдовцы.

Мне очень нравится официантка Сандрин Мартен. Она меня не узнает, хотя мы учились с ней в пятом классе. Вместе с троицей. Потом Сандрин пошла в Центр подготовки подмастерьев, там можно с нуля освоить любую рабочую профессию. В детстве у нее была странная привычка: она то и дело сплевывала на землю, но была и осталась хорошенькой, правда преждевременные морщинки и разочарованно опустившиеся вниз уголки губ говорят о том, что живет ей нелегко. Сандрин слишком много курит, и работа у нее временная. Зимой она носит шерстяные пуловеры с длинными рукавами, скрывающими татуировку – выцветшую блекло-синюю русалку на предплечье. Этой русалке не довелось насладиться шикарной жизнью на террасах богатых особняков...

Иногда меня так и подмывает признаться: «Это я, Виржини...», но пока удается сдерживаться. Нам нечего сказать друг другу. «Дети у тебя есть?» – «Нет. А у тебя?» – «Да-двое». – «Сколько-им-лет?» – «Пятнадцать-и-восемнадцать». – «Давно-разливаешь-тут-пиво?» – «Ты-зачем-вернулась? Тут-все-умерло».

Предпочитаю, чтобы Сандрин меня не узнала. Мы обмениваемся улыбками. Она протягивает мне свежую газету. Я оставляю тридцать сантимов чаевых. Думала дать 50, но было бы многовато с 1,20 евро за чашку кофе. Привлекло бы ненужное внимание.

– До свидания.

Иногда неузнавание приносит пользу. И гарантирует покой.

По дороге домой я делаю крюк, чтобы проехать мимо моего бывшего коллеж. Он давно закрыт – из-за вредного асбеста и сквозняков, сюда много раз проникали вандалы. Сквоттеры загадили его (мягко выражаясь!) и пытались поджечь. Несколько окон забиты картоном, вокруг выросла высокая трава.

За городом построили новый коллеж – имени Жоржа Перека^[16], в него принимают учеников из разных населенных пунктов.

Сегодня утром, проезжая мимо моей *alma mater*, похожей на корабль, брошенный капитаном посреди моря позеленевшего бетона, я притормозила.

Обычно я так не поступаю – избегаю его, как Эйфелеву башню в своей прежней жизни.

Я припарковалась на обочине. Наконец-то они приступили к работе! Экскаваторы ровняют с землей коллеж Вьё-Коломбье. Я десять минут наблюдала, как уничтожают мое прошлое. Все происходит со скоростью света, словно это театральные декорации, а не реальное здание с крышей и стенами, где много десятилетий подряд подростки приобретали знания.

Через несколько дней не останется ничего.

Я вспомнила, как когда-то на переменах наблюдала из окна класса на четвертом этаже за учениками, разгуливающими по двору. Смотрела и думала: «Через сто лет все они умрут». Но и вообразить не могла, что камни окажутся недолговечнее людей.

Сворачивание завода «Магеллан» и перемещение транспортной компании «Дамамма» подписали смертный приговор целым кварталам, некоторое достоинство пытаются сохранять только две главные улицы. Последние герои современного мира – «мелкие коммерсанты», как их называют телерепортеры, – собирают остатки сил, чтобы заставить биться сердце центра города размером с булавочную головку.

Сорная трава заполонила весь участок. Повсюду, где в моем детстве дышал целый мир, остались одни растрескавшиеся стены, захлопнутые ставни, проржавевшие таблички и тротуары, поросшие мхом.

А там, где Адриен с Этьеном катались на скейтах, теперь ничейная земля.

7

В понедельник, 9 марта 1987 года, Пи взялся ненавидеть Адриена, и тот начал отсчет – как узник, зачеркивающий в настенном календаре дни, оставшиеся до освобождения. Исключив вторую половину дня всех суббот, воскресенья, среды^[17] и праздники, до летних каникул он должен был продержаться шестьдесят один с половиной день.

Шестьдесят один с половиной раз заставить себя войти в класс на негнущихся ногах, с тяжестью в желудке. Шестьдесят один раз хватать вечером фломастер и, нажимая что было сил, «уничтожать» прожитый день в календаре пожарной части. Его страницы украшали изображения храбрецов, помогающих жертвам автокатастроф и наводнений и погорельцам. Страдания Адриена, над которым измывался учитель, были вполне сравнимы с болью этих людей.

Его задерживали в классе на каждой перемене, оставляли после уроков под предлогом плохо выученного стихотворения, небрежно написанного сочинения – текст приходилось переделывать по несколько раз. Пи заставлял Адриена снова и снова чертить прямоугольный параллелепипед, читать и перечитывать параграфы о приставках, суффиксах и порядке величины числа, а также выводить по сто раз в тетради фразу: «Я не предаюсь мечтам на уроке!»

С 9 марта 1987 года Адриен перестал мечтать. Он больше не созерцал затылок Нины, ее волосы, ее заколки, ее платья, ее плечи, ее спину.

Пи подстерегал, принюхивался, и стоило Адриену ослабить бдительность, учитель посылал его к доске, чтобы поизобретательнее унизить перед всем классом. Тщетно.

Застенчивые люди – не слабаки и не трусы. Палачи не всегда берут над ними верх. Адриен никогда не плакал. Он смотрел учителю в глаза и ухитрялся отвечать на вопросы, какими бы непонятными и вредными они ни были, а Мартену Деланнуа, первому козлу отпущения этого года, легче дышалось. Он так до конца и не поверил в чудо, в то, что гроза прошла стороной.

Вечером Нина и Этьен ждали Адриена, сидя на бровке тротуара, как две неприкаянных души. Они провожали друга до дома, а у него

болело все тело, мышцы ныли от перенесенных судорог.

Нина все время спрашивала:

– Почему он к тебе прицепился?

Адриен неизменно отвечал:

– Когда-нибудь я тебе объясню.

– Объяснишь что?

Адриен замыкался и не реагировал.

Этьен предлагал проколоть шины папаше Пи или набросать в его почтовый ящик собачьих какашек. «Я знаю, где он живет...» Адриен отказывался. Пи догадается, и станет только хуже.

Во сне он плакал и просыпался на мокрой наволочке.

Они больше не читали «хором» одну книгу в комнате Нины и не включали телевизор, как будто герои любимых сериалов внезапно скончались в страшных муках.

– Нам нужны наши среды на свежем воздухе...

– Нам необходима наша жизнь на свежем воздухе! Раньше все было так хорошо...

– Один раз я видела *его* в городе, он прячет жирный зад под длинной учительской блузой.

Все трое то и дело повторяли: «Скорее бы лето!»

Походы в кино стали редкими – угнетенное настроение не способствовало, – но места они занимали по заведенному раз и навсегда порядку: Нина в середине, Этьен слева, Адриен справа.

Они вместе открыли для себя «Большую дорогу» Жана-Лу Юбера^[18]. В тот день Адриен понял, что от тяжелой повседневности можно укрыться в произведении искусства.

* * *

4 мая 1987 года Пи обнаружил «недостачу» письменных работ для проверки в своем портфеле, накиннулся на Адриена и устроил ему выволочку, обвинив в краже. Нина и Этьен вскочили, собираясь вмешаться, но друг усмирил их одним-единственным взглядом.

Дома Жозефине показалось, что сын очень бледен. Что у него отсутствующий вид. Озабоченный. Она попыталась разговаривать мальчика, но у нее не получилось. После ужина Жозефина позвонила Нине и спросила, не случилось ли чего в школе, но та все отрицала: «Нет-нет, не волнуйтесь, все в порядке!»

Ночью Адриена начало трясти, поднялась температура. Пришедший утром доктор диагностировал бронхит, который, к несчастью, перешел в воспаление легких. На несколько дней его даже положили в больницу, и он три недели не ходил в школу. Нина и Этьен каждый вечер навещали друга и приносили ему уже выполненные домашние задания.

Жозефина – теперь она курила только на балконе – подогревала ребятам полдник, и они съедали его, сидя за пластиковым столиком.

Волосы матери Адриена когда-то были белокурыми, но теперь утратили блеск и пожелтели, кое-где в них пробивалась седина. Она немного напоминала грызуна, но черты лица остались тонкими и плавными, а кроткий взгляд выражал неверие в счастливый исход дела.

Побыв любовницей отца Адриена, больше она романов не заводила. Он был женат, разводиться не собирался и потому вел себя крайне осторожно, чтобы не дай бог не засветиться. Когда Жозефина сообщила ему, что ждет ребенка, он не выказал ни гнева, ни злости, ни радости и ушел, не предупредив, что не вернется. В тот день Жозефина пекла яблочный пирог, руки у нее были в масле и муке, и она не сразу поняла, что он протягивает ей чек, а увидев сумму, поставила жирное пятно прямо на подпись.

Сильвен Бобен встретился с Жозефиной еще один раз, явившись, чтобы признать ребенка. Она разлюбила его, но не нашла в себе сил сказать, что в этом нет необходимости. Когда-то этот мужчина вызывал у нее желание, но обидные слова и трусливое поведение все изменили. Жозефина сказала Сильвену: «Подойди поближе к кровати...» Он не пожелал.

Время от времени Сильвен появлялся. Как инспектор общественных работ. Или надзирающий офицер полиции. Он, конечно, звонил, чтобы предупредить о своем приходе, но на большее его «воспитанности» не хватало. Мсье Бобен осматривал квартиру, проверял, не облупилась ли краска на стенах, не текут ли трубы, интересовался школьными успехами Адриена, оставлял на столике в гостиной очередной чек и удалялся. В мире с собой.

Жозефина позвонила ему, когда Адриена забрали в больницу. Впервые за одиннадцать лет. Сильвен Бобен был за границей, и она оставила сообщение на гостиничном номере телефона. Он перезвонил. Слышимость была неважная, в трубке раздавался треск, и разговор

состоялся короткий. Жозефина успокоила Симона, объяснила: «Я просто очень испугалась, врач сказал, что бронхит перешел в воспаление легких, но теперь мальчику намного лучше!»

Матери Адриена нравились новые друзья сына, особенно Нина. Она всегда хотела иметь дочь, девочку-куколку с карими глазами, похожими на звездочки. «И чтобы они всегда блестели...» – думала женщина.

Сделав домашние задания, Нина обнимала Адриена, Этьен хлопал его по спине, произносил как заклинание: «Скоро лето», и они расходились по домам.

Адриен выздоровел, вернулся в школу и продолжил зачеркивать дни, оставшиеся до Избавления. За вычетом дня Вознесения Господня, Духова дня, сред, второй половины дня суббот и всех воскресений оставался тридцать один с половиной день.

Адриен где-то вычитал, что человек с *необузданным темпераментом* способен совершить сверхчеловеческое усилие. Такие усилия он совершал, когда вставал утром, пил горячее молоко, одевался, покидал дом, входил во двор школы Пастера, тащился по крытой галерее, преодолевал шесть ступенек, оставлял куртку на вешалке, садился за свою парту, вдыхал запах Зла – одеколona, пропитавшего серую учительскую блузу, и смотрел на мсье Пи.

Ему казалось нестерпимым не иметь отца, который в случае несчастья брал бы его за руку и говорил: «Можешь быть спокоен, сынок, ты под моей защитой!»

В первый после болезни день в классе даже присутствие рядом Нины и Этьена не помогло утишить его бешено колотившееся сердце. Желудок скрутило. Горло опухло. Он только что не подвывал, как побитая собака.

Адриен решил, что заразился от Нины астмой, иначе как объяснить затрудненное сиплое дыхание?

Учитель одарил его улыбочкой, заговорил медоточивым тоном. К доске он Адриена не вызывал, в классе не задерживал – ни на перемене, ни после уроков.

Мсье Пи испугался. Впервые за всю его профессиональную карьеру один из козликов отпущения заболел прежде, чем он успел сбавить обороты.

Неделя шла за неделей, Адриен получал хорошие отметки за домашние задания, учитель писал красной ручкой на полях справа ободряющие ремарки: «Очень хорошо, отличная работа, серьезный ученик...»

Как-то раз, июньским вечером, Адриен остался в классе по собственной инициативе, а Пи работал в своем кабинете. Ученики должны были получить двенадцативольтный ток, приклеив к каждой лопасти вентилятора по магниту и подсоединив его к трансформатору с помощью двух люстровых зажимов. Адриен очень увлекся, выкрасил в белый цвет деревянную досочку и закрепил на ней три лампочки разных цветов. К шести вечера он не успел, и Пи, спешивший уйти, предложил ему закончить работу дома.

Прилежный ученик трудился все выходные, меняя силу тока с помощью прерывателя, и заморозил Нину.

– Ты – суперумник!

– Это физика, а никакой не ум.

– Не вижу разницы.

В понедельник утром, подойдя к двери класса, Адриен, Нина и Этьен увидели, что их ждет директор. Вид у мсье Авриля был очень серьезный. Он велел им занять места за партами, достать учебники по грамматике и молча повторять правила.

Пи отсутствовал. Такое случилось впервые в жизни.

Ребята молча переглядывались, потом кто-то не выдержал, поднял руку и осмелился задать вопрос:

– А где мсье Пи?

– В моем кабинете, – ответил директор.

Его слова были встречены гулом разочарования. Каждому хотелось пойти домой, покататься на велосипеде, поиграть в настольные игры, посмотреть телевизор, пусть по понедельникам и не было молодежных программ.

Увы – мсье Пи не похитили, он не заболел, не умер, и занятия будут.

Мсье Авриль нашел взглядом Адриена и сказал:

– Адриен Бобен, изволь пойти со мной.

Несчастный поднялся, чувствуя себя *невинно обвиненным невесть в чем*, испуганно взглянул на Нину, потом на Этьена и последовал за директором, уныло повесив голову.